

Моск. новости. - 1995. - 16-23 апр. - С. 11.

НЕИЗВЕСТНАЯ ПОБЕДА

Эта победа была нужнее нам, чем любому другому народу

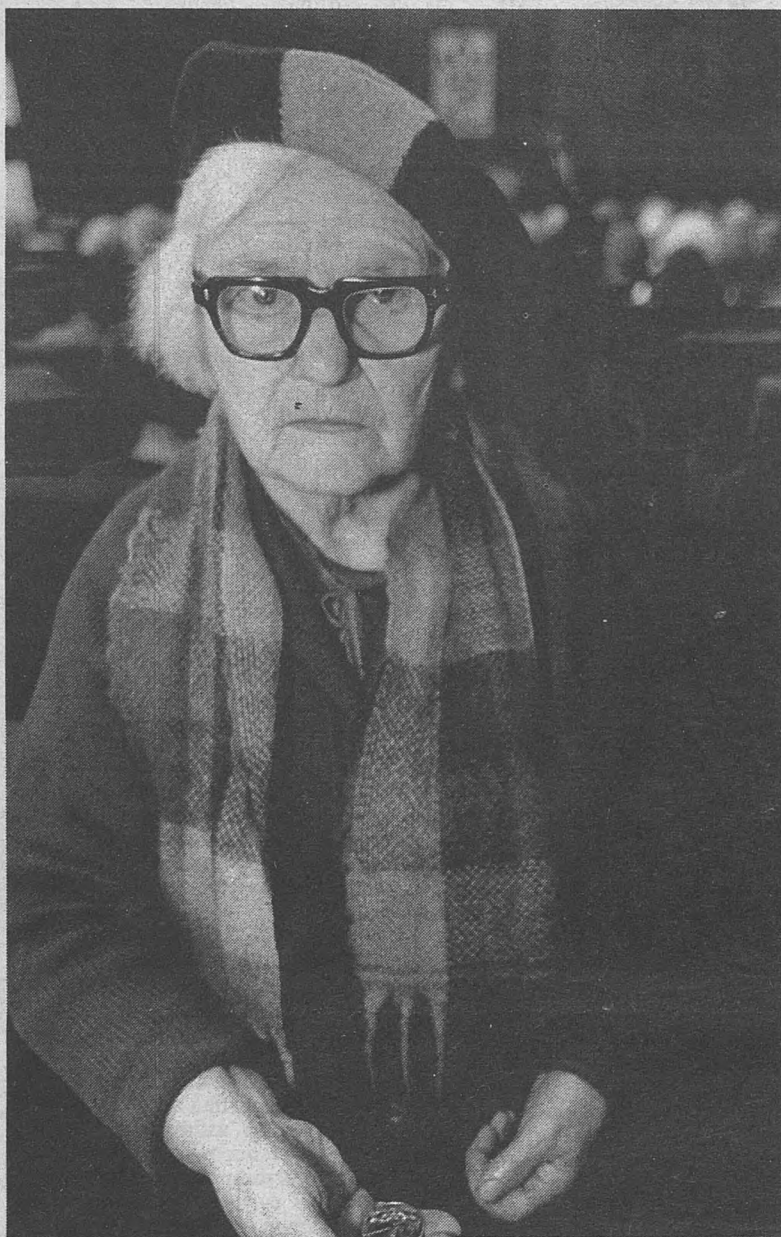
(Окончание. Начало на стр. 5)

«Победивший народ стал страшнее, им стало труднее вертеть и следовало бы ему скорее забыть о победе. Вспомним же, 9 мая не всегда было праздником. Долгие годы — по желанию самих трудящихся — оно было рядовым буднем.»

Будущему исследователю не покажется ли странным, что первым поспособствовал этому освобождению главный палач и тюремщик, позднее присвоивший себе все лавры?

Такие лучше всего соображают со страху, и он первый сообразил в дни поражений, панического бегства и трехмиллионной сдачи в плен, что не так много поляжет животов за ценности передового учения, иное дело — обида национальная, и поменял флаги, вернув из забвения «великие тени наших предков». На этом пути трудно остановиться, и свою спасительную идею он довел до абсурда, преследуя космополитов и всех сомневавшихся, что изделие Можайского могло оторваться от земли; но начало было благое, и оно целиком обязано войне. Есть мнение и все чаще теперь высказывается, что лучше было бы нам покориться нашествию, был бы сейчас на Руси порядок (о, как жаждем мы его, самые беспорядочные на свете и находящиеся в беспорядке особую прелесть и блаженство!); но те, кто так считает, лучше бы вспомнили, как бы они реагировали на плевок в лицо, на любое оскорбление, унижение достоинства; почему же наши дедушки и бабушки обязаны были — и во имя чего? — вытерпеть зрелище публичной порки или повешения с недельным запретом хоронить трупы? Яснополянский миролюбивец, учивший нас непротивлению злу насилием, и тот не возражал, что бывает святая обязанность взять в руки первую попавшуюся дубину.

Трудно, почти невозможно представить себе, как было бы, если бы не эта война. Как утвердилось бы, закаменела бы на века власть большевиков. Есть, правда, мнение и другое — что, победив, тем спасли сталинский режим. Это похоже на правду, но сдается мне, сам товарищ Сталин так не думал. По крайней мере, не повел себя как триумфатор, спасенный своей армией, скорее как Тамерлан, которому и победа не праздник, если не попираешь на раздавленных телах побежденных. Изменника Власова, напугавшего его до дрожи, он, разумеется, не мог не казнить лютой казнью, тут еще помнилось, как считали немцев извратителями и встречали хлебом с солью, откуда они не доказали, что не уступят большевикам; тут следовало самую мысль удавить, что не все ладно в нашем воспометом отечестве и настолько неладно, что можно принять и помощь врага. Но было ли так обязательно удавливать старичков-генералов гражданской войны — Краснова, Семенова, Шкуро? Ведь они социализму не присягали и не могли поэтому ему изменить. Да и своих генералов пощелкали, неясно из каких выкруток: Понеделина, Гордова, попросту вздорного Кулика. Право, больше бы выгадали, проявив милость ко всем. Да не о престиже была забота, это мы переносим на наших правителей собственные дряблые представления, а они в корень зрят и правы по своему. А на каких радостях учреждены были 25-летние сроки и ка-

Александр САЗОНОВ

торга? Черствые, жестокие полководцы Рима, «солдатские императоры», уважали этикет победителя: на съедение львам отдать можно пленных, своим полагались бесплатный хлеб и зрелища. Полагалось по случаю праздника, что будут освобожденные из темниц, кого-то избавят от казни. Многие ли помнят, на какой день после победы была у нас амнистия? Она была на 22-й день по смерти диктатора — 27 марта 1953 года — широчайшая для блатных, непролазно узкая для «врагов народа». И понадобились еще 3 года, чтоб повалили из лагерей миллионы, загнанные туда торжествующим победителем. Вина их была велика и непростительна — все то же пробудившееся самосознание.

И вспомним, что вместе с расправой над военными начался и новый семестр воспитания интеллигенции — постановлением о «Звезде» и «Ленинграде».

Чем так допекла его в дни войны интеллигенция? Казалось бы, терпела, голодала наравне со всеми, когда надо — поднималась в атаки и увлекала других. Попробую ответить на уровне гипотезы, догадки. В мемуарах маршала Жукова отдается должное немецким генералам — высокообразованным, знающим свое дело, дерзким и самостоятельным в своих решениях; высказано одобрение немецкому солдату — храброму, самоуверенному, способному поставить себе самому боевую задачу и выполнить ее средствами достаточными и разумными. А вот офицерское звено маршал не жалуется — оно чванливо, спесиво и в то же время робко в принятии на себя ответственности, целиком в плену инструкций и циркуляров. Косвенно можно так понять,

«Они так надеялись, что их война будет последней».

что маршалу хотелось бы в нашей армии отметить, напротив, именно офицерское звено. Разумеется, все конвенансы исполнены в отношении генералов, сказаны самые высокие слова в адрес нашего жертвенного солдата, так густо полегшего от Немана до Волги и обратным путем до Эльбы и Шпрее, но в качестве главной фигуры все же справедливее возвести на пьедестал наших «навечно девятнадцатилетних», наших мальчишек, недоучившихся в институтах и пошедших добровольцами, нашего ваньку-взводного, самого большого начальника, имеющего в подчинении больше людей, нежели командарм, управляющий 5-7 командами. Этих интеллигентных мальчишек, вытянувших безнадежную войну, и держал в злой своей памяти лучший друг молодежи, когда топтал и оплевывал любимых ими Ахматову и Зощенко. И не только мальчишек держал, но и тех высоколобых специалистов, загнанных в «шарашки», кто за вторую миску похлебки, за внеочередное свидание с женой сделали ему, вседержителю, лучший в мире танк, лучший самолет-штурмовик, лучшую полковую пушку, лучший автомат ППП — ну как было не отомстить им, что не они виноваты, если этого лучшего у нас так долго оказывалось меньше, чем у противника — худшего. Нормальный мозг отказывается это понять, но мы имели счастье подчиняться мозгу вывихнутому, едва ли не больному.

А за что, спросим, так ненавидел он деревню? Зачем еще больше было ее закрепощать, не отменить

хоть закона о колосках? Она ли не клала головы в нужных количествах? Был знаменитый случай с матерью, отдавшей войне 10 сыновей — всех, кого родила и вырастила. И не так эта покорная мать изумляет меня, как тупое безразличие военкомов, отнимавших у нее очередного сына по убитии предыдущего. Ни один не догадался (и авторы чувствительного документального фильма не посмели сказать), что надо же ей оставить хоть одного, хоть самого младшего не брать на войну, даже запретить ему, если рвался добровольцем. В проклятой царской России с ее солдатчиной и шпицрутенами не забрировали кормильца. Вот символический образ нашей деревни, тем ему и ненавистной, что была покорна, что несла вину жертвы, а главной вины все же за ней не было — что не смогла накормить армию, что приходилось нашим фронтовикам идти в атаки, разделив 400 граммов американской тушенки на четверых (а мы им пожалели банки шпротов без очереди).

Они спасли сталинский режим, потому что спасли мир. Но они же этот режим и погубили, позволив всем нам взойти на такую ступень сознания, куда ему было за нами не поспеть, разве что тащить за собою в пропасть. И первой мыслью Никиты Хрущева (а есть догадки, что даже Лаврентия Берии), когда он сменил Сталина, было как можно скорее отмежеваться от него, с этого и началась оттепель. И Михаил Сергеевич, затеяв отправить в заслуженный отпуск наших засидевшихся геронтов и тем начать свою перестройку, разве не был родом из военного детства? «Ах, война, что ж ты, подлая, сделала?» — спрашивает поэт. А то и сделала, что мы стали другими.

Видю — во весь экран — лицо Веденкина, молодого фашиста, лицо холеное, сытенное, эллипсом, с широко расставленными глазами, чем-то наводящее на подозрение, что у владельца неладья с гормонами; изящный дамский ротик с на-

слаждением изрыгает в камеру: «Их не так много, и мы их сразу всех расстреляем, при полном, уверяю вас, одобрении народа». Кого так люто он ненавидит, я не знаю, — ну «дерьмократов», кого же еще, — но знаю точно, что при Иосифе Виссарионовиче, которого, без сомнения, чтит Веденкин, его бы за такие речи расстреляли в 24 часа, не заводя следственного дела. Этот, с позволения сказать, мужчина выказывает свою смелость, ничем, собственно, не рискуя. Чтобы не расстреливали Веденкина, чтобы он мог безнаказанно выражать свою собачью злобу на мир, и полегли солдаты наши и офицеры на крутых правобережьях европейских наших рек, на ступенях рейхстага. Это она тоже сделала, война!

Сколько еще осталось у нас фронтовиков, знают, наверное, военкоматы, но сурово хранят государственную тайну. Судя по тем льготам, что сыпятся на них в последнее время, осталось немного. Вот недавно всех наградили орденами Отечественной войны, оскорбив тем самым недоживших, еще один короткий анекдот в придачу к брежневской победе. Время таких анекдотов подходит к концу — и это отчасти жалко. Может быть, еще 5 — 6 лет будем видеть их редкие сборища в скверике у Большого театра, послушаем их рассказы о том, какой зверский мороз был, когда резали проволоку, лежа в снегу, или еще про что-нибудь, столь же занимательное, отчего-то вызывающее у них слезы.

«Демократия наша пусть никогда не забудет о них, заложивших первый камень ее здания. Они так надеялись, что их война будет последней. Но, кажется, последним будет нынешний юбилей. Другого такого юбилея, с участием живых, мы, пожалуй, и не соберем.»

Георгий ВЛАДИМОВ

Нидернхаузен, Германия